

СУДНЫЙ ЧАС ЮЛИИ ДРУНИНОЙ

ВЛАДИМИР КУЗИН

Юля родилась 10 мая 1924 года в Москве в интеллигентной семье: отец — учитель истории Владимир Друнин, мать — Матильда Борисовна — работала в библиотеке и давала уроки музыки. Жили в коммуналке очень бедно. Но дочь с самых ранних лет приобщали к культуре. Читала девочка много. Отец давал ей классиков, от Гомера до Достоевского. Сама же девочка тянулась к Дюма и Чарской. У них она находила ту заповедную отвагу и искренность чувств, которые классиками никогда не описывались, ибо считались в реальной жизни невозможными. Но Юля, как и всё её поколение, верила в эти идеалы...

Быть девочкой Юле ужасно не нравилось. Она дружила с мальчишками, играла в войну. Ненавидела бантики и всякие украшения настолько, что однажды из чувства протеста отстригла огромный бант вместе с хвостиком, на который его повязали: семья ждала гостей, и Матильда Борисовна решила приукрасить дочку; но в результате пришлось срочно вести её в парикмахерскую и стричь под мальчика... Больше бантиков ей не завязывали. Вообще, с мамой у Юли были сложные отношения всю жизнь. Уж очень разное у них было мнение относительно того, какой следует быть девочке, девушке, женщине... Матильда Борисовна полагала, что женственной, кокетливой и нежной. Юля же видела своим идеалом кавалерист-девицу Надежду Дурову, а высшими человеческими качествами считала безграничную отвагу, верность клятве и упорство в достижении цели — разумеется, самой высокой, которую только можно себе избрать!

Стихи Юля писала уже в школе. Кроме этого, она посещала литературную студию при Центральном доме художественного воспитания детей, помещавшуюся в здании Театра юного зрителя. В конце 1930-х годов участвовала в конкурсе на лучшее стихотворение. В результате одно из её стихотворений

— «Мы вместе за школьной партой сидели...» — было напечатано в «Учительской газете» и передано по радио. Позже она вспоминала: «Я никогда не сомневалась, что буду литератором. Меня не могли поколебать ни серьёзные доводы, ни ядовитые насмешки отца, пытающегося уберечь дочь от жестоких разочарований. Он говорил, что на Парнас пробиваются единицы. И почему, мол, я должна быть в их числе?..»

Как и всё её поколение, Юля мечтала о подвигах. «Спасение челюскинцев, покорение полюса, Испания — вот чем жили мы в детстве, — писала она впоследствии. — И огорчались, что родились слишком поздно... Удивительное поколение! Вполне закономерно, что в трагическом сорок первом оно стало поколением добровольцев...»

Она была ровесницей молодого гвардейца и Зои Космодемьянской. Так же как они, светла, наивна и изначально готова к подвигу и даже к гибели во имя Родины. В поэме «Памяти Клары Давидюк», посвящённой радистке, погибшей в тылу врага, подорвавшей одной гранатой себя и своего смертельно раненого возлюбленного на глазах у группы фашистов, Юлия Друнина написала как бы про себя:

**Застенчивость. Тургеневские косы.
Влюблённость в книги, звёзды, тишину.
Но отрочество поездом с откоса
Вдруг покатило с грохотом в войну...**

Когда грянула война, Юля как раз закончила школу. Сразу бросилась в военкомат. Но её оттуда прогнали: ведь ей едва исполнилось семнадцать лет, а на фронт брали с восемнадцати. Это было ужасно обидно, поскольку тогда, в июне — июле 1941 года, шестнадцатилетние и семнадцатилетние боялись, что война закончится раньше, чем они успеют в ней поучаствовать... Юля завидовала тем девушкам, которые были старше неё хотя бы на год; ведь они могли попасть на фронт: в санитарные батальоны, в стрелковые батальоны, в авиацию, в радистки.

**Какие удивительные лица
Военкоматы видели тогда!
Текла красавиц юных череда...
Всё шли и шли они —
Из средней школы,
С филфаков,
Из МЭИ и из МАИ,
Цвет юности,
Элита комсомола,
Тургеневские девушки мои!**

Юля и сама была совершенно тургеневской девушкой. Книжной, ро-

мантической. Казалось, она даже не подозревала, что в жизни существует жестокость, грубость, грязь...

В начале войны она работала санитаркой в глазном госпитале в Москве. Окончила курсы медсестёр.

Немцы рвались к столице. И к концу лета Юле пришлось оставить госпиталь и идти рыть окопы. Там во время одного из авианалётов она отстала от своего отряда, и её подобрала группа пехотинцев, которым очень была нужна санитарка. Правда, Юля с самого детства ужасно боялась крови, ей становилось дурно при виде даже крохотной ранки. Но комсомолка должна была воспитывать в себе железную волю. И Юля справилась со страхом перед кровавыми ранами. Тем более что очень скоро ей пришлось хлебнуть куда более серьёзных испытаний. Пехотинцы попали в окружение, тринадцать суток они пробирались к своим: «Мы шли, ползли, бежали, натываясь на немцев, теряя товарищей, — вспоминала Юлия Владимировна. — Опухшие, измученные, ведомые одной страстью — пробиться!.. Все душевные и физические силы были сконцентрированы на какой-нибудь конкретной задаче: незаметно проскочить шоссе, по которому то и дело проносились немецкие машины; или, вжавшись в землю, молиться, чтобы фашист, забредший в кусты по нужде, не обнаружил тебя; или пробежать несколько метров до спасительного оврага, пока товарищи прикрывают твой отход. А надо всем — панический ужас перед пленом. У меня, девушки, он был острее, чем у мужчин. Наверное, этот ужас здорово помогал мне, потому что был сильнее страха смерти».

Именно в той группе, что осталась от батальона, попавшего в окружение, Юля встретила свою первую любовь, самую возвышенную и романтическую.

В стихах и в воспоминаниях она называет его Комбат — с большой буквы. Но нигде не упоминает его имени. Хотя память о нём пронесла через всю войну и сохранила навсегда. Он был ненамного старше её. Красивый парень с голубыми глазами и ямочками на щеках. «Наш молодой Комбат действительно оказался человеком незаурядным, — писала она. — Такого самообладания, понимания людей и таланта молниеносно выбрать в самой безнадежной ситуации оптимальный вариант я больше не встречала ни у кого, хотя повидала немало хороших командиров. С ним солдаты чувствовали себя как за каменной стеной, хотя какие «стены» могли быть в нашем положении?»

Помните фильм «Офицеры»? В котором один из командиров сказал солдату: «Есть такая профессия — Родину защищать...» Но у молодого комбата профессия была другая — учить детей. Так же, как у влюблённой в него юной санитарки — совсем иное предназначение — писать стихи. Однако Родине в 1941 году солдаты и санитарки оказались нужнее учителей и поэтов. И молоденький учитель вдруг оказался прирождённым воином. Когда их осталось только девять человек, они вышли к немецкому переднему краю; и единственным местом, где они могли проскочить, оказалось минное поле. И комбат пошёл по полю один — прямо на мины... Которые, к счастью, оказались противотанковыми и от веса человека не детонировали. Тогда он позвал за собой солдат. И уже на краю поля, когда они все почувствовали себя в безопасности, одна из мин оказалась противопехотной... Погибли комбат и два человека, которые шли за ним. Юля уцелела. «Мина, убившая Комбата, надолго оглушила меня, — признавалась Юлия. — Я запомнила этого юнца на всю свою жизнь...»

Юля снова оказалась в Москве. Была осень. Москва эвакуировалась. Отец, директор школы, должен был уехать вместе со всем коллективом и учениками в Сибирь. А Юля ехать не хотела. Вскоре родители уехали, и она осталась одна в пустой квартире. Но среди ночи, в обморок, вернулся отец и сказал, что остаётся с ней...

У отца были большие сосуды, и в начале войны с ним уже случился инсульт. Теперь он хромал, у него дрожали руки... Второго инсульта он бы не перенёс. И Юля поехала в эвакуацию — чтобы спасти его.

Через некоторое время отца хватил удар, и несколько недель он лежал парализованный, медленно угасая. Юля ухаживала за ним.

Отец умер в начале 1942 года. И когда Юля его похоронила, то решила, что

больше её в эвакуации ничто не держит. И она уехала в Хабаровск поступать в школу младших авиаспециалистов.

Однажды девушкам — выпускницам этой школы — объявили, что их переводят в женский запасной полк. Старшина-инвалид, который принёс им эту радостную, с его точки зрения, весть, пояснил: «Будете там, как на роду положено — нас, мужиков, обстирывать да обшивать. Так что поздравляю! Живыми останетесь и неувечными». Юлия Владимировна позже вспоминала, что едва не упала в обморок от этого известия. Ведь не для того она столько времени мучилась со сборкой-разборкой пулемёта, чтобы стать прачкой в бабьем батальоне! Старшина, однако, добавил: «Окромя, конечно, медиков. Без них пока обойтись не можем. Больно много медицины ТАМ выбивает». Юля тут же помчалась искать свидетельство об окончании курсов медсестёр и, ликуя, вручила его этому самому старшине. Он пожал плечами и пробормотал: «Жизнь молодая надоела?» Но, видимо, медики и впрямь до зарезу были нужны армии: уже на следующий день Юля получила направление в санитарное управление Второго Белорусского фронта. «Я бежала на Белорусский вокзал, — вспоминала она, — а в голове неотступно крутилось: «Нет, это не заслуга, а удача — стать девушке солдатом на войне...»

Дописала это стихотворение Юлия Владимировна только двадцать лет спустя:

**Нет, это не заслуга, а удача —
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!..**

«Два с лишним года понадобилось мне, чтобы вернуться в дорогу мою пехоту!» — сокрушалась Юлия Друнина и через сорок лет. Она радовалась, что попала на фронт, что ей удалось поучаствовать в великих сражениях.

«Но как же было тяжело, — вспоминала она. — Холод, сырость, костров разводиться нельзя, спали на мокром снегу; если удавалось переночевать в землянке — это уже удача. Но всё равно никогда не получалось как следует выспаться: только приляжешь — опять обстрел, опять в бой, раненых выносить. И многопудовые сапоги с налипшей грязью, и длительные переходы, когда буквально падаешь от усталости, а надо всё равно идти... А ещё грязь и, как следствие, чирьи и постоянная простуда, перешедшая в болезнь лёгких. И голод, потому что еду не всегда успевали подвезти...»

Я пришла из школы в блиндажи сырые,

**От Прекрасной Дамы в «мать»
и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем Россия,
Не могла сыскать...**

И это не говоря об артобстрелах, о ежедневных свиданиях со смертью, об отчаянии, которое охватывало её от сознания собственной беспомощности, когда раненные умирали у неё на руках, — ведь порой можно было их спасти, если бы поблизости был настоящий госпиталь, настоящие врачи и инструменты! Но довести до госпиталя не всегда успевали... А ещё чисто женские проблемы, о которых писатели и кинематографисты послевоенной поры просто не подозревали! «Сколько раз случилось, — писала Юлия Владимировна позднее, — нужно вынести тяжелораненого из-под огня, а силёнок не хватает. Хочу разжать пальцы бойца, чтобы высвободить винтовку — всё-таки тащить его будет легче. Но боец вцепился в свою трёхлинейку образца 1891 года мёртвой хваткой. Почти без сознания, а руки помнят первую солдатскую заповедь — никогда, ни при каких обстоятельствах не бросать оружия! Девчонки могли бы рассказать ещё и о том, например, как, раненные в грудь или в живот, они стеснялись мужчин и порой пытались скрыть свои раны... Или о том, как боялись попасть в санбат в грязном бельишке. И смех и грех!..»

Юле и самой пришлось однажды скрывать своё тяжёлое ранение — осколок артиллерийского снаряда вошёл в шею слева и застрял в нескольких сантиметрах от артерии. Но Юля не подозревала, что рана опасна. До госпиталя было далеко. И, замотав шею бинтами, она продолжала спасать других. Пока ей не стало совсем плохо... Очнувшись она уже

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66